

ПОСЛЕДНИЙ ПАССАЖИР ЛУНЫ

ИИ
Софья Вечерняя

Софья Вечерняя

Последний пассажир Луны

«Автор»

2026

Вечерняя С.

Последний пассажир Луны / С. Вечерняя — «Автор», 2026

Что делать, если кислород убывает, до эвакуации меньше двух часов, а на Луне остался человек? Лея Арден должна покинуть базу «Море Спокойствия», но авария превращает последний рейс в череду решений без верных ответов. Что важнее — груз или человеческая жизнь? Как действовать, когда Земля молчит, данные неполны, а страх подталкивает к ошибке? «Последний пассажир Луны» — напряжённая космическая история о выживании, ответственности и выборе под давлением. На пути к Земле Лея учится отделять факты от догадок, просить помощи и не путать надежду с гарантией. Её путь напоминает: не всё можно контролировать, но можно проверить следующий шаг и пройти его не в одиночку. Для поклонников космической фантастики и тех, кто ищет опору в неопределённости. История оставляет не готовые ответы, а смелость действовать, даже когда страшно и исход неизвестен. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Вечерняя С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последняя смена на «Море Спокойствия»	6
Эвакуационный рейс	11
Последний пассажир Луны	15
Луна за кормой	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Софья Вечерняя

Последний пассажир Луны

Последний пассажир Луны

Софья Вечерняя

Последняя смена на «Море Спокойствия»

Тревога кислородного контура ударила по базе в тот миг, когда Лея Арден тянулась за отвёрткой.

Красный свет мигнул, погас, снова вспыхнул. Под потолком дрогнули панели, и из вентиляционной решётки донёсся сухой кашель вентилятора.

— Контур четыре, падение давления, — произнёс потолочный динамик. — До эвакуационного старта один час сорок восемь минут.

Лея уже лежала на боку у сервисного люка. На коленях — складной коврик, пристёгнутый к полу, чтобы не уплыть при каждом движении. На запястье вибрировал планшет с тремя сообщениями от диспетчерского пункта, но она смотрела только на манометр.

— «Море Спокойствия», ответьте, — потребовал голос диспетчера. — Лея, подтвердите состояние контура.

Она сняла защитную крышку. За ней тянулись трубки, тонкие провода и два клапана с жёлтыми метками. На одном дрожал указатель давления.

— Вижу просадку в ответвлении кислородного коллектора, — сказала Лея. — Проверяю участок.

— Проверяйте быстро. «Рассвет» готовят к старту, загрузка по графику.

— Услышала.

Она не добавила, что график можно было бы соблюдать, если бы база перестала получать микрометеоритные пробойи каждый второй день. За последние недели повреждения обнаруживали в наружной обшивке, тепловом контуре и антенном блоке. Ничего катастрофического по отдельности. В сумме — достаточно, чтобы руководство признало «Море Спокойствия» слишком дорогим и слишком хрупким домом.

Лея проверила соединение на ощупь. Перчатки скользнули по холодной муфте. На резьбе проступил тонкий иней.

— Нашла утечку, — сказала она. — Микротрещина на подаче к резервному блоку.

— Не трогай клапан В, — отозвался из коридора Малик. — По схеме он сейчас под давлением.

Лея приподняла голову. Техник стоял в проёме, удерживаясь пальцами за поручень. На плече у него висел контейнер с инструментами.

— В закрыт, — сказала она. — Но ты прав, на этой линии остаточное давление. Хорошо заметил.

Малик выдохнул, будто ожидал другого ответа.

— Я чуть не открыл его.

— Чуть не открыл — не то же самое, что открыл. Подай зажим и ключ на девять.

Она произнесла это спокойно, не оставляя ошибки висеть над ним, как приговор. Когда же сама минуту назад перепутала показания двух датчиков, то мысленно успела назвать себя тремя неприятными словами и пообещать больше никогда не ошибаться.

Зажим защёлкнулся на трубке. Лея перекрыла повреждённое ответвление и направила поток через запасной канал. Манометр дрогнул, но стрелка не пошла вверх.

— Ещё раз, — сказала она себе.

Малик протянул ключ.

— Я уже всё перепроверила.

— Тогда проверьте ещё раз, инженер Арден.

Она закрыла глаза на одну секунду. Клапан был открыт правильно. Показания с датчика тоже. Просто давление не успело выровняться.

— Дайте сорок секунд, — сказала Лея. — И проверьте уплотнитель резервной линии.

— Уже.

Он работал быстро. Лея не сомневалась в его руках, но продолжала следить за каждым движением. Так было проще, чем смотреть на часы.

На панели в конце коридора отсчёт сменился на 01:44:09.

За люком скрипнул шлюз. Три коротких звука, пауза, ещё один. Лея знала этот скрип наизусть. Чтобы дверь закрылась без второго сигнала, нужно было приподнять плечом нижний край и нажать на панель чуть левее зелёной метки. За восемь месяцев она сделала это столько раз, что могла бы пройти коридор с закрытыми глазами.

В кают-компании её ждала кружка с царапиной на ручке. Чай в ней давно остыл, но Лея всё равно не выбросила его после утренней смены. На стене возле иллюминатора висела карточка с нарисованной Землёй. Синий круг был размазан по краю, потому что художник рисовал в невесомости и не рассчитал, куда потянет каплю краски.

База была не красивой. Она гудела, скрипела, пахла металлом и фильтрами. Но Лея знала, где у неё болит.

Планшет мигнул новым сообщением.

— Лея, проверка готовности экипажа, — сказал диспетчер. — Подтвердите, что все шесть человек смогут пройти предполётный контроль к четырём ноль-ноль.

Она посмотрела на незакрытый люк, на сумку у стены, на список системных задач, который уже занимал три экрана.

— Подтверждаю.

— И грузовой отсек?

— Проверю.

— Лея, у нас нет времени на всё. Только обязательное.

Связь оборвалась.

Она слышала это и раньше: только обязательное. Но в её голове обязательными числились кислородный контур, шлюзы, инструменты, архивы, контейнер с семенами из оранжереи, запасные фильтры, результаты ремонта антенны, личные сумки экипажа и каждая мелочь, которую нельзя было оставить без ответа.

Список разрастался быстрее, чем она успевала его выполнять.

Она вернулась к люку. Манометр наконец поднялся на деление.

— Давление стабилизируется, — сказал Малик. — Но клапан шумит.

Лея прислушалась. Из корпуса доносился тонкий свист.

— Не трогай крепление. Отведи поток через ручной байпас.

— Понял.

Она заметила, как он потянулся к неверной рукоятке, и остановила его ладонью.

— Синяя, не жёлтая. Жёлтая сейчас держит обратный поток.

Малик кивнул и переключил нужный клапан. Свист стих.

— Готово.

— Хорошо. Отметь в журнале, что повреждённый участок изолирован. Не пиши «система восстановлена». Мы не восстановили весь контур, только удержали давление до эвакуации.

— Понял.

Она сама внесла показания, проверила их дважды, затем в третий раз. В третий раз цифры не изменились, но тревога внутри неё не утихла.

Планшет завибрировал. Под сообщениями лежал её личный список. В нём значились двадцать семь пунктов, от «проверить кислород» до «забрать кружку», и ещё одиннадцать, которые не поместились на экран. Последняя строка обрывалась на слове «обязательно».

Лея смахнула список, но не удалила. Вместо этого открыла чистую страницу.

Экран запотел от её дыхания. Она провела по нему рукавом, оставив матовую полосу, и вывела три заголовка:

СДЕЛАТЬ СЕЙЧАС ПЕРЕДАТЬ ЭКИПАЖУ ОТПУСТИТЬ

Планшет предложил уменьшить шрифт. Лея отказалась. Она и так пыталась втиснуть туда больше, чем могла удержать.

— Что ты делаешь? — спросил Малик.

— Решаю, что действительно должно быть сделано моими руками.

Она поставила под первым заголовком три строки.

Кислородный коллектор: давление и герметичность — до 03:36. Проверка аварийного дыхательного запаса — до 03:45. Личный скафандр: уплотнения, клапаны, радиомаяк — до 04:00.

Во второй колонке написала имена.

Малик: журнал повреждений и инструменты — до 03:55. Имаани: криобокс с семенами — до 03:50. Сато: шлюз и наружная панель — до 04:10.

И только потом посмотрела на третий заголовок.

Кружка с царапиной — оставить до 04:15. Коробка камней из учебного сада — оставить. Запись о ремонте антенны — передать в архив, не заканчивать самой.

Она задержала палец над экраном. Внизу сумки лежала маленькая фотография: мать на фоне окна земной квартиры, с поднятой рукой, словно могла дотянуться до Луны. Фотографию Лея возьмёт. Она была плоской, лёгкой и помещалась во внутренний карман скафандра.

Кружка — нет. Она весила больше, чем казалось, и занимала место, которого на «Расвете» почти не было.

Лея посмотрела на три колонки. Ни одна не вмещала всего, что было у неё в голове. На этот раз она не стала уменьшать шрифт.

— Ты правда оставишь кружку? — спросил Малик.

— Она не поможет нам дышать.

— Но она твоя.

— Именно поэтому я решаю, а не делаю вид, что случайно забыла.

Лея сохранила страницу. Ей стало легче не потому, что задач стало меньше, а потому, что у каждой появилось место. Некоторое можно сделать. Некоторое — доверить. Некоторое — не тащить за собой, даже если оно дорого.

Она повернулась к Малику.

— Журнал повреждений до без пяти четыре. Внеси не только неисправности, но и состояние каждого клапана. Если датчик врёт, это тоже важная информация.

— А если не успею?

— Передашь Имаани. Она умеет работать с журналом.

— А если и она не успеет?

— Тогда отметим, что осталось. Сейчас сделай свой участок.

Он кивнул и уплыл к терминалу.

Лея вернулась к коллектору. В этот раз она работала только с тем, что было перед ней. Проверила давление в резервном блоке, прогнала короткий тест, сверила показания с независимым датчиком. Контур выдержал. Она поставила отметку в первом списке и провела линию через задачу.

Задача исчезла не из мира, а из её рук.

— Лея, — раздался голос Сато в гарнитуре. — На шлюзе вопрос по наружной панели. Крепёж держится, но один сенсор показывает нестабильную связь.

— Может быть повреждён разъём. Не трать время на восстановление сенсора. Проверь механическое крепление, внеси показания и оставь пометку следующей смене.

— Следующей смены не будет.

— Тогда следующему экипажу.

В эфире на миг стало тихо.

— Понял, — сказал Сато.

Лея подняла взгляд к иллюминатору. Земля висела над серой равниной, огромная и спокойная на вид. Отсюда нельзя было заметить, сколько людей внизу сейчас решают, стоит ли закрывать лунную базу. На Земле наверняка уже обсуждали расходы, риски и сроки. Здесь всё сводилось к тому, чтобы удержать воздух, пока шестеро не окажутся в корабле.

— Имаани, криобокс готов? — спросила Лея.

— Готов. Я закрепила его в отсеке. Только одна кассета с семенами не проходит по температуре.

— Тогда переведи её в резервный контейнер. Какая кассета?

— Пшеница, первая партия.

Лея посмотрела на список. Криобокс значился в колонке «передать экипажу», а не в «сделать сейчас». Она могла бросить всё и пойти помогать Имаани. Могла проверить её работу и сама убедиться в каждом градусе.

— Ты знаешь порядок действий? — спросила она.

— Да.

— Ты уже делала это на прошлой неделе?

— Два раза.

— Тогда делай. Я буду на связи, если появится ошибка.

— Спасибо.

Лея поймала себя на том, что не добавила: «Но я всё равно проверю за тобой».

Она закрыла вторую задачу и перешла к аварийному запасу. Проверка заняла девять минут. Три баллона были заряжены, один требовал ручной маркировки. Она прикрепила ярлык и поставила галочку.

Пока скафандр проходил самотест, Лея собрала сумку. Рука сама потянулась к кружке. На ручке царапина казалась глубже, чем утром. Лея подняла кружку, почувствовала знакомую тяжесть и на секунду представила, как поставит её на полку в новом помещении, где будет тихо и светло.

Нового помещения она ещё не видела. Возможно, оно будет пахнуть пластиком и чужими людьми.

— Пять минут до общей проверки, — напомнил динамик.

Лея посмотрела на сумку. В ней уже лежали фотография, тонкий блокнот и перчатки для ремонта. Больше в ручную кладь ничего не помещалось без нарушения требований к весу.

Она поставила кружку обратно на стол.

Не выбросила. Не спрятала. Не обвинила себя в том, что не умеет прощаться. Просто оставила её там, где она прожила с Леей последнюю смену.

Затем застегнула сумку.

В коридоре снова скрипнул шлюз. Лея невольно улыбнулась. Она знала, что больше не станет приподнимать дверь плечом, чтобы звук исчез. Скрип останется здесь, вместе с кружкой, коробкой камней и гудением вентилятора, который чинили трижды и каждый раз запускали с тихим ударом.

Но кое-что она могла забрать с собой. Фотографию. Точные записи. И то, что научилась различать между «это важно» и «это должна сделать именно я».

В 03:58 скафандр завершил самотест. Уплотнения держали, радиомаяк отвечал. Лея отметила задачу выполненной и перешла к журналу базы.

Она стерла фразу «не успела закончить ремонт внешнего сенсора». Стерла и «не удалось провести полную ревизию оранжереи». На месте освободившихся строк написала:

Сохранили давление в кислородном контуре. Экипаж готов к эвакуации. Семена закреплены. Все шесть человек учтены.

Потом добавила дату и подпись.

Коротко. Без списка того, что осталось незавершённым.

— Общая готовность подтверждена, — доложил Сато. — Люк закрыт, панель закреплена. Имаани закончила с криобоксом. Малик передал журнал.

Лея провела пальцем по экрану. Три колонки всё ещё были открыты. В «сделать сейчас» осталась одна строка: закрыть журнал и выйти к экипажу. Срок — 04:12.

Она нажала «выполнено».

— Лея, — сказал диспетчер. — Подтверждаю: корабль «Рассвет» готов к последнему рейсу. Посадочные места рассчитаны впритык. Весь экипаж должен быть на борту к четырём двадцати.

Лея застегнула внутренний карман с фотографией и оттолкнулась от стола. За спиной осталась кружка с царапиной. Впереди ждал шлюз, а за ним — корабль, в котором каждому придётся занять своё место.

Эвакуационный рейс

Дверь за Леей закрылась с первого раза. Это показалось хорошим знаком.

Она двинулась по коридору к шлюзу, отталкиваясь ладонью от стен. Под ногами глухо дрожал пол: на посадочной площадке уже работали двигатели «Рассвета». В воздухе жилого модуля пахло горячей пылью и металлом. На стенах погасли почти все панели, кроме аварийных полос, ведущих наружу.

— Лея, — раздался голос Сато в наушнике. — Мы у трапа. Есть проблема с грузовым шлюзом.

Она остановилась.

— Насколько серьёзная?

— Достаточно, чтобы не грузить всё по плану. Иди сюда. Самой увидишь.

Лея продолжила путь быстрее. На перекрёстке коридоров она повернула к командному узлу, подключила переносной накопитель к панели связи и дождалась, пока завершится передача журналов. Данные о давлении, энергосистеме, запасах воды и положении внешних антенн ушли на борт «Рассвета» и в орбитальный архив. Она проверила контрольную сумму дважды.

— Архив принят, — отозвался Малик. — Совпадение полное.

— Передай Сато, что ключевые данные у него. И отметь: база остаётся в безопасном спящем режиме. Резервные клапаны закрыты вручную.

— Отметил.

Лея отсоединила накопитель, убрала его во внутренний карман и опустила главный рубильник. Последний ряд огней погас. В тёмном экране панели на мгновение отразилось её лицо: белое пятно шлема, глубоко посаженные глаза. Она не задержалась, чтобы рассмотреть его.

Когда наружный шлюз открылся, лунный свет ударил по визору. Посадочная площадка лежала внизу, в нескольких метрах от входа. Трап «Рассвета» был опущен, а возле него Сато, Имаани и техник Ямамото спорили над широким грузовым люком.

На корабле уже находились Малик, пилот Вейл и медик Чэнь. Шестеро из основного экипажа, учтённые в журнале, были на месте. Ямамото к этому списку не относился. Его смена должна была покинуть базу раньше: сменщик Морита ушёл на предыдущем рейсе, а Ямамото остался отключать приборы в техническом секторе. В журнале смена числилась завершённой.

Теперь Ямамото стоял у люка, прижимая ладонь к серому контейнеру.

— Я не оставляю его здесь, — сказал он.

Сато посмотрел на Лею, словно передавал ей часть проблемы, но не ответственность за решение.

Грузовой шлюз «Рассвета» перекосило. Тонкая металлическая кромка была загнута внутрь, будто по ней прошёлся тяжёлый камень. Люк ещё открывался, но не мог одновременно удержать весь плановый груз и дополнительное складное кресло, встроенное в грузовой отсек. В кресле можно было перевезти одного человека сверх утверждённого списка. После повреждения выбирать приходилось прямо здесь: контейнер с образцами или место для Ямамото.

— Пилот говорит, что если загрузим контейнер, кресло не зафиксорируется, — объяснил Сато. — Если оставим контейнер, Ямамото можно пристегнуть в отсеке. Проверка герметичности займёт две минуты.

— А если оставить контейнер, — перебил Ямамото, — мы выбросим результаты двух лет работы.

Он говорил негромко, но пальцы его крепко сжимали ручку ящика. На крышке были наклеены этикетки: номер скважины, глубина, температура, состав. На боковой стенке сохра-

нился белый след от старой маркировки. Видимо, контейнер уже переносили не раз и каждый раз возвращали на место.

— Тут образцы реголита из южного разлома, — продолжил он. — Слои с летучими соединениями и контрольные пробы. Если мы не привезём их в лабораторию, часть измерений останется без физической проверки. Телеметрия не заменит материал.

— Я знаю, — сказал Сато. — Но я не могу посадить тебя на ящик и назвать это безопасной перевозкой.

В словах командира не было жестокости. Он смотрел на грузовой люк, на согнутую кромку и на таймер на запястье. До конца посадочного окна оставалось семь минут. Сато не мог исправить повреждение, не мог добавить кораблю грузоподъёмности и не мог попросить Луну подождать.

Лея подошла к контейнеру.

— Сколько он весит вместе с термокожухом?

Ямамото помедлил.

— Тридцать один килограмм.

— Сколько времени нужно, чтобы загрузить его и провести повторную проверку люка?

— Если всё пойдёт чисто, шесть минут. Но это не повод бросать его.

— Я не сказала, что повод. Я спрашиваю о цене решения.

Она вывела на переносной экран грузовой манифест. Для каждого предмета система требовала три поля: масса, практическая ценность, цена задержки. Цифры не принимали решения за людей. Они только мешали подменять решение туманом.

Лея внесла данные.

Запасной регулятор кислорода: 8,6 килограмма, практическая ценность — пять из пяти, загрузка — одна минута.

Набор для ремонта уплотнителей: 4,2 килограмма, пять из пяти, две минуты.

Накопитель с журналами базы: 0,8 килограмма, пять из пяти, меньше минуты. Его копия уже была передана на корабль, но сам накопитель всё равно оставался в списке.

Криобокс с семенами: 3,1 килограмма, четыре из пяти, одна минута. Его Имаани уже закрепила в пассажирском отсеке.

Контейнер Ямамото: 31 килограмм, два из пяти для выживания в ближайшие сутки и пять из пяти для будущих исследований. Шесть минут на загрузку и проверку. При задержке за пределами посадочного окна следующий шанс на взлёт мог появиться только через восемнадцать часов.

Ямамото прочёл цифры на экране.

— Два из пяти? — спросил он. — Это образцы, которые могут показать, где искать воду.

— Для будущей работы это пять, — сказала Лея. — Я так и записала. Но на этом рейсе контейнер не даст нам воды, кислорода или возможности починить корабль.

— А без образцов мы можем не понять, как использовать то, что найдём потом.

— Верно.

Лея не стала спорить с этим. Образцы были ценны. Не потому, что Ямамото провёл возле них сотни часов, хотя и это было правдой. Не потому, что он не хотел видеть свою работу брошенной в пыль, хотя его пальцы всё ещё лежали на ручке контейнера. Они были ценны как часть будущего. Но грузовой люк не различал видов ценности. Он различал только вес, объём и то, успеют ли люди взлететь.

— Когда ты собирал эти пробы, — спросила Лея, — какой вопрос вы пытались решить в первую очередь?

— Где состав грунта меняется ниже трещины.

— Ответ есть в данных?

— Есть предварительный. Но без образцов нельзя проверить примеси.

— Сколько образцов нужно для проверки?

— Не весь контейнер. Но здесь собран полный контрольный набор. Если забрать отдельные пробирки, нарушится серия.

— Насколько нарушится?

Ямамото отвернулся к люку. На шлеме отразились цифры манифеста.

— Достаточно, чтобы усложнить анализ.

— И достаточно ли, чтобы сорвать его совсем?

Он не ответил сразу.

Сато поднял руку, показывая на таймер. До посадочного окна оставалось пять минут.

— Я не хочу, чтобы меня запоминали человеком, который оставил два года труда под слоем пыли, — сказал Ямамото. — Морита уже ушёл. Он отработал меньше смен, но оказался на борту. Я остался, потому что эти пробы нельзя было бросить неупакованными.

На мгновение Лея увидела не упрямого техника, а человека, который пытался доказать, что его выбор был не ошибкой. Она знала это желание. Нести ещё один ящик, ещё один список, ещё одну ответственность — лишь бы не оказаться той, кто ушёл раньше, чем всё сделано.

— Морита эвакуирован, — сказала она. — Это факт. То, что ты остался, тоже факт. Ни один из них не меняет того, что сейчас мы выбираем между контейнером и тобой.

— Я не хочу, чтобы вы спасали меня ценой всей смены.

— Мы не спасаем контейнер вместо тебя, — ответила Лея. — Мы оцениваем, что именно даёт нам контейнер и чего стоит задержка. И проверяем, что случится, если мы его оставим.

Она открыла комментарии к строке с образцами и внесла: «Телеметрия передана. Точки отбора, глубина, температура и результаты первичных измерений сохранены в архиве. Физические пробы остаются на базе».

— Я предлагаю отправить эти данные вместе с координатами контейнера, — сказала она. — Если когда-нибудь появится экипаж, он будет знать, где его искать. Сейчас это не спасёт пробу, но сохранит возможность вернуться к ней.

Ямамото посмотрел на её экран.

— А если никто не вернётся?

Лея не стала придумывать обещание.

— Тогда контейнер останется здесь.

Тишина в наушнике была короткой, но полной. Затем Ямамото разжал пальцы. На ручке остался отпечаток ладони, стёртый и тут же снова проявившийся в слое серой пыли.

— В архив внеси номера проб, — сказал он. — Не только координаты. Порядок слоёв тоже. И температуру при упаковке.

— Внесу.

— Тогда грузим людей.

Сато кивнул пилоту. Ямамото отступил от контейнера и направился к трапу. Имаани помогла ему забраться внутрь. Кресло в грузовом отсеке откинули и закрепили на направляющих. Проверили ремни, замки, давление в пассажирской секции. Всё заняло меньше двух минут.

Пока другие работали, Лея снова открыла манифест. Она указала для контейнера массу — 31 килограмм, практическую ценность — два из пяти для текущего рейса, цену задержки — шесть минут. В поле решения написала: «Оставлен на базе. Данные и координаты сохранены». Потом поставила отметку: «Ответственный за передачу сведений — Ямамото».

Он заметил её запись и ничего не сказал. Только кивнул.

— База закрыта? — спросил Сато.

— Архив на борту и в орбитальном хранилище. Резервные клапаны изолированы. Энергетический контур переведён в спящий режим. Внешняя антенна развернута на ретранслятор. Осталось подтвердить финальную блокировку шлюза.

— Я отправлю с корабля, — сказал Малик по связи. — Приём чистый.

Лея опустилась на одно колено у внешней панели, ввела код и дождалась зелёного сигнала. Замок встал на место с сухим щелчком. По внутреннему каналу прошла последняя строка журнала: база закрыта, доступ прекращён, данные переданы.

Теперь на поверхности оставалась только она.

Сначала ушёл Морита, сменщик Ямамото, — на предыдущем рейсе. Потом в «Рассвет» поднялись остальные. Ямамото уже пристёгивался к аварийному креслу и проверял фиксаторы. Лея была последней сотрудницей на Луне.

Она задержалась у шлюза, не потому что забыла что-то сделать. Просто впервые за всё утро список дел закончился раньше, чем исчезла сама база.

— Лея, — позвал Сато. — Нам пора.

Она обернулась. За её спиной темнел вход в жилой модуль. Там осталась кружка с царапиной, приборы, рабочие столы и лаборатория Ямамото. Лея не взяла кружку. Не потому, что не любила её, а потому, что в этот рейс она не могла сделать для себя исключение без причины.

На трапе она остановилась, чтобы проверить, что люк за ней закрылся. Сато встретил её у прохода.

— Все на борту, — сказал он.

Лея назвала фамилии: Имаани, Малик, Вейл, Чэнь, Ямамото, Сато. Потом подтвердила собственную.

— Семь, — ответил Малик. — Список принят.

У иллюминатора оставалось одно место. Лея добралась до него последней, убрала руки в ремни и пристегнулась. За стеклом площадка медленно уходила вниз. На её поверхности серел контейнер с образцами. Внутри корабля Ямамото сидел в аварийном кресле, положив ладони на колени. Он не смотрел на ящик. Пока.

— Курс подтверждён, — сообщил Вейл.

«Рассвет» оторвался от грунта. Лунная база уменьшилась до прямоугольника света, потом до точки. Лея посмотрела на своё отражение в иллюминаторе. Она снова уходила последней. Но на этот раз это было не случайностью и не наказанием. Она осталась ровно настолько, насколько требовал её выбор, закрыла то, что нужно было закрыть, и передала дальше то, что нельзя было унести руками.

Под кораблём медленно разворачивалась Луна — огромная, безмолвная и теперь уже не пустая: в памяти, данных и людях она уносилась вместе с ними. Лея не знала, что именно значит быть последней, пока не оторвалась от поверхности. Теперь ей предстояло выяснить, кем становится человек, когда дом остаётся далеко позади.

Последний пассажир Луны

На пульте рядом с картой погасла строка аварийного маяка.

Сигнал не передаётся. Последние данные получены с поверхности.

Лея не сразу отвела взгляд. Под кораблём вращалась Луна, серый край медленно уходил в сторону, а база уже стала точкой света. Увидев знакомую строку, она снова оказалась там — у посадочной площадки, в последних минутах перед взлётом.

Тогда она тоже смотрела на погасший сигнал и думала, что должна успеть исправить всё.

На поверхности «Рассвет» уже ждал с закрытыми наружными створками. Остальные были на борту: инженерная группа, медик, пилоты. Лея видела их через узкое окно шлюза, пока проверяла наружный контур площадки. Никто не махал ей рукой. Никто не торопил. От этого было только труднее: никто не мешал ей уйти.

На экране наручного терминала мигал красный значок маяка. Сама площадка была чиста. Вокруг опор не осталось ни обломков, ни инструментов; датчики фиксировали ровный рельеф, свободный коридор взлёта и закрытые сервисные крышки. Но аварийный маяк, установленный у края разметки, молчал.

Его корпус выглядел целым. Индикатор питания горел зелёным. Лея открыла диагностический режим и дождалась результата. Передатчик не давал несущей. Между передающим блоком и внешней антенной обнаружился разрыв цепи.

Она проверила показания ещё раз, переключила канал, повторила тест. Результат не изменился.

— Сато, это Лея. Маяк не передаёт сигнал. Питание есть, но цепь антенны разомкнута.

— Принял, — ответил командир. Голос звучал ровно, без тревоги. — Сколько времени нужно на проверку?

— Проверка уже выполнена. На ремонт времени больше.

Лея посмотрела на защитный кожух антенны. Неисправность сидела внутри разъёма. Чтобы добраться до него, пришлось бы снять панель, вскрыть герметичную оболочку и вручную восстановить соединение. Даже если разъём поддался бы сразу, маяк потребовал бы нового цикла калибровки. А если бы она повредила питание, он замолчал бы окончательно.

— Нам нужно знать, сколько, — сказал Сато.

Лея вывела расчёт на экран.

— Минимум двенадцать минут. Если понадобится запасная линия, дольше.

В наушниках коротко щёлкнуло. Она представила, как командир смотрит на часы и на траекторию запуска. «Рассвет» не мог ждать сколько угодно. У корабля был расчётный коридор подъёма; если они его пропускали, требовались новый расчёт и дополнительный расход топлива. Топлива хватало. Но резерв, предназначенный для непредвиденной коррекции на пути к Земле, становился бы меньше.

— Сколько мы можем удерживать окно? — спросила Лея.

— Две минуты. Потом придётся отменять запуск и пересчитывать траекторию.

— А цена ожидания?

Сато помолчал. На дальнем плане терминала вспыхнул таймер: до закрытия окна оставалось меньше двух минут.

— Не только время, — сказал он. — Мы съедим часть аварийного запаса. Это уже риск для всех на борту.

Лея сжала рукоять диагностического прибора. Ей хотелось ответить, что двенадцать минут — не так уж много. Что она справится. Что если уйдёт сейчас, маяк останется неисправным, а вместе с ним останется доказательство того, что она могла сделать больше и не сделала.

Эта мысль показалась ей знакомой. Она давно научилась превращать незавершённые задачи в меру собственной ценности. Если ещё можно было что-то починить, значит, надо было чинить. Если можно задержаться, значит, уходить рано. Даже теперь, когда вся команда ждала её не потому, что она подвела их, а потому, что они должны были улететь вместе, она искала способ заслужить право подняться на борт.

Но маяк не был человеком. И его неисправность не становилась менее важной оттого, что она отказалась рискнуть ради ремонта. Разница была в последствиях: если она останется, корабль потеряет запас времени и топлива; если уйдёт, команда получит точные данные о неисправности и маршруте к ней. Ремонт можно будет поручить следующей миссии. Сегодня он не стоил общего риска.

Лея ещё раз проверила площадку по внешним датчикам. Свободный коридор. Ровный грунт. Никаких следов утечки. Положение маяка совпадало с базовой картой, а координаты последнего стабильного сигнала сохранялись в памяти терминала. Она добавила к ним маршрут от шлюза, отметила повреждённый участок и время последнего теста. Затем передала пакет данных на «Рассвет».

— Получил, — произнёс Вейл. — Архив маршрута сохранён. Информация о неисправности внесена в план возвращения.

Эти слова не означали, что маяк заработал. Не возвращали сигнал. Не делали её решение приятным. Но теперь команда знала, что именно сломалось и где искать повреждение, если кто-нибудь однажды вернётся на эту площадку.

Лея направилась к шлюзу. Пыль на её ботинках была почти невидимой, тонкой, словно серый налёт на стекле. На Луне она не поднималась облаком за шагом, а сухо оседала вокруг подошвы и оставалась там. Лея поймала себя на желании задержаться, чтобы стряхнуть её как следует, будто от чистых ботинок зависело, насколько правильно она покинет поверхность.

Она остановилась у наружного терминала и подключила кабель связи для последнего отчёта. В динамике потрескивал канал. За её спиной темнели окна базы: жилой модуль отключался по этапам, оставляя свет только в коридоре шлюза и на панели управления. Впереди на площадке ждал корабль.

До закрытия окна оставалась минута.

Лея положила ладонь на край корпуса терминала. Пальцы в перчатке дрогнули, и она заставила себя произнести вслух, медленно, чтобы слова были слышны не только системе записи:

— Первый факт: посадочную площадку я проверила. Коридор взлёта свободен, опасных повреждений на грунте нет.

Она посмотрела на строки переданного пакета.

— Второй факт: я передала координаты маяка, маршрут к нему, результаты диагностики и время последнего стабильного сигнала.

Третий факт дался труднее. Она слышала собственное дыхание в шлеме. В нём не было ничего героического, только короткий шум воздуха.

— Третий факт: сейчас я не могу изменить неисправность антенны, не задержав корабль и не уменьшив запас топлива, который может понадобиться экипажу.

Она замолчала. Терминал подтвердил запись.

Сато вернулся в канал:

— Лея, начинаем закрытие шлюза через сорок секунд.

— Поняла.

— Ты готова?

Лея посмотрела на тёмные окна базы, потом на маяк. Он продолжал светиться зелёным, хотя сигнала не передавал. В этом было что-то несправедливо обманчивое: внешне всё выгля-

дело исправным. Можно было ещё раз открыть диагностику, ещё раз посмотреть на кожух, ещё раз подумать, что двенадцать минут — не такая большая цена.

— Я готова, — ответила она.

— Я не спрашиваю, всё ли исправно, — тихо сказал Сато. — Я спрашиваю, сможешь ли ты уйти, зная, что не всё исправно.

— Смогу.

Это не прозвучало как уверенность. Скорее как решение, которое Лея наконец перестала требовать от себя принять без страха.

Она отключила передачу, убедилась, что пакет сохранён на корабле, и вынула кабель из гнезда. Перед тем как отстегнуть его от пояса, она ещё раз произнесла три факта, уже без усиления терминала, для себя самой:

— Площадку проверила. Данные передала. Неисправность сейчас не изменить.

Щелчок разъёма оказался на удивление громким.

Лея пошла к шлюзу. Каждый шаг приближал её к кораблю и уводил от базы, но расстояние между ними почти не менялось: корабль стоял неподвижно, тёмные окна оставались позади. Она ощущала привычное желание вернуться к маяку, хотя уже не могла назвать ни одного нового действия, которое стоило бы риска. Желание не исчезло. Просто перестало быть приказом.

У входа в шлюз она задержалась ровно на один вдох. Не для того, чтобы запомнить вид Луны. Не для того, чтобы проверить себя. Ей нужно было дожидаться, пока решение догонит тело.

Затем она вошла и закрыла наружный люк.

Металл сомкнулся за спиной с глухим ударом. Шлюз наполнился шумом насосов. Давление менялось, индикаторы переходили с красного на жёлтый, с жёлтого на зелёный. Лея сняла пыльные перчатки и положила их в отсек для наружного снаряжения. На манжете осталась серая полоса. Она не стала её стирать.

Когда внутренний люк открылся, Сато ждал у прохода. На его лице не было ни укоризны, ни облегчения, которое требовало бы от неё ответного жеста.

— Последний пакет принят, — сказал он.

— Я знаю.

— Хорошо.

Она прошла к креслу и пристегнула ремни. Через иллюминатор виднелась Земля — далёкий голубой диск на чёрном фоне. Лунная база лежала ниже, за краем окна. Лея не видела ни маяка, ни посадочной разметки, только отражение собственного лица в стекле.

Командир проверил фиксаторы, экипаж подтвердил готовность. Корабль дрогнул, и посадочные опоры перестали давить на грунт. Луна начала отступать.

Теперь, уже в пути, Лея увидела на пульте сохранённую строку: сигнал не передаётся. Вначале она потянулась к каналу связи, будто могла отдать новый приказ. Потом убрала руку. Ремонт оставался невозможным не потому, что она недостаточно старалась, а потому, что корабль уже уходил, а доступный ей выбор был сделан до взлёта.

Она всё ещё чувствовала укол вины. Но он больше не доказывал, что она должна была остаться. Иногда вина появлялась просто потому, что человек переставал делать больше, чем ему было по силам.

Когда двигатель сменил режим и кресло перестало вдавливать её в спинку, ремень у плеча медленно приподнялся. Лея ощутила невесомость. В ней было освобождение: поверхность больше не тянула её назад, последние проверки закончились, передача данных состоялась. И в ней же было что-то пугающее. Пока корабль ускорялся, тяжесть держала тело на месте. Теперь даже привычное ощущение опоры исчезло.

— Курс подтверждён, — сообщил Вейл.

Лея посмотрела на Землю. Позади оставалась Луна, с её неисправным маяком, погасшими окнами базы и маршрутами, которые теперь хранились в памяти корабля. Она не исправила всё. Она сделала то, что могла сделать, передала то, что должно было пережить её уход, и признала границу, за которой дальнейшее усилие начинало угрожать другим.

Это не было победой над страхом. Страх остался рядом, пока Луна уходила за корму. Это было завершением: тихим, неидеальным, недостаточным.

Луна за кормой

Лея снова открыла обзорную камеру.

На экране дрожала знакомая дуга горизонта: серое, почти безжизненное полотно, над которым темнело небо. Лунная база уже не различалась. Осталась только светлая точка там, где она знала каждый модуль, каждый стык между секциями и длинный коридор, в котором однажды три часа искала потерянный инструмент.

Корабль «Рассвет» продолжал разгон. В ремнях глухо постукивал замок. Вода в запотевавшем пакете медленно собиралась в крупную каплю, ползла к прозрачному носику и там неохотно отрывалась. Карандаш, привязанный к планшету тонкой нитью, дрейфовал у локтя Леи, будто тоже пытался вернуться на своё место.

Она коснулась экрана. Камера приблизила картинку.

За последние два часа Лея открывала её уже четырнадцать раз. Она знала это, потому что четырнадцатый раз поймала себя на том, что считает.

— Если ты ещё немного приблизишь, увидишь собственные мысли, — пробормотал мужчина напротив.

Он был пристёгнут к койке, но оставил плечевые ремни свободными, и те тихо шуршали у него за спиной. Его звали Сев, он летел на Землю с перевязанной рукой и относился к дороге так, словно его просто пересадили в неудобный автобус.

— Мысли я и так вижу, — ответила Лея.

— Тогда камера лишняя.

Он закрыл глаза. Не сердито, не заботливо — просто сообщил своё мнение и закончил разговор.

В соседнем отсеке мальчик по имени Ники складывал из упаковки от пайка маленькую коробку. Его мать спала, притянув колени ремнями к стене. Старик с седой бородой раскладывал по одному в сетчатый карман таблетки и каждый раз пересчитывал их заново. Никто не смотрел на Луну так, как Лея. И никто не пытался её остановить.

На экране камера перестала увеличивать изображение. Лунный край уплыл за рамку. Лея отдалённо понимала, что это просто техническое ограничение, а не знак. И всё равно провела пальцем по стеклу, словно могла вернуть картинку.

Дверь в общий отсек открылась. Вейл заглянул внутрь.

— Часовой обзор через сорок минут, — сказал он. — Потом связь с Землёй.

— Я знаю.

— Если тебе нужно отдохнуть, не жди следующего сигнала.

Он не спросил, как она себя чувствует. За это Лея была ему благодарна. Вежливое сочувствие заставляло бы её объяснять то, чего она сама пока не могла сформулировать.

Вейл исчез за дверью. Лея вновь открыла камеру.

В этом и заключалась ловушка. Пока экран был включён, она могла убеждать себя, что всё ещё контролирует расстояние. Что знает, где находится база. Что видит, как отдаляется место, где провела последние годы. Но за знакомым изображением пряталось другое: впереди был долгий перелёт, Земля, которую она помнила по старым фотографиям и редким разговорам, и люди, которым предстояло услышать её отчёт о том, что не удалось сделать.

Неизвестность выглядела опаснее знакомой утраты. Поэтому Лея снова и снова возвращалась к Луне, хотя каждый новый взгляд ничего не менял.

Она заметила это не сразу. Сначала просто устала от собственного пальца, тянущегося к экрану. Потом поняла, что снова пытается выполнить прежнюю проверку: убедиться, что база на месте, что маяк всё ещё там, что её уход не стёр последние годы. Но проверка не могла дать ей того, чего она хотела. Картинка подтверждала только одно: корабль летел дальше.

Лея отключила камеру.

Экран погас. В отражении проступило её лицо — бледное, с красной полосой на щеке от ремня. Она выдержала несколько вдохов, а затем снова включила изображение.

Вот так, подумала она. Не подвиг. Даже не решение. Просто привычка сильнее обещания.

Она выключила камеру ещё раз, открыла меню и нашла настройки трансляции. Установила обновление раз в час, вместо постоянной передачи. Пальцы зависли над подтверждением.

Один час без проверки.

Это не означало, что Луна исчезнет. Это означало, что ближайший час она не станет искать её взглядом.

Лея нажала «Применить» и отодвинула планшет. В ту же секунду карандаш медленно поплыл к её плечу. Она поймала его, зацепив большим пальцем, и достала личный журнал — тонкую тетрадь с мягкой обложкой. На Луне бумага была роскошью, которой пользовались редко. Лея берегла её для записей, не предназначенных ни базе, ни отчёту.

Она пристегнула тетрадь к колену. На первой чистой странице провела вертикальную линию. Слева написала: «Что я оставляю». Справа: «Что беру с собой».

Карандаш коснулся бумаги, но слова не появились сразу.

«Оставляю неисправный маяк».

Лея посмотрела на строку. В ней было что-то слишком простое, словно речь шла о сло-манной лампе, а не о работе, которую она так и не успела закончить. Она добавила: «Оставляю решение не возвращаться за ним, когда это стало опасно для экипажа».

Карандаш на секунду задержался над листом. Она не написала «вину». Слово было рядом, но пока казалось слишком большим, чтобы поместиться в одну колонку.

В следующей строке появилась старая кружка с отколотой ручкой. Лея оставляла её на полке возле окна жилого модуля, где она простояла четыре года. Оставляла карту технических переходов, которую уже передала на корабль. Оставляла коридор, где по ночам не работала одна лампа. Оставляла привычку считать расстояние до шлюза, когда тревожилась.

В колонке справа слова давались медленнее.

«Беру маршруты, которые успела сохранить».

Потом: «Беру память о том, как пахнет нагретая пыль у вентиляционного фильтра».

Эта запись показалась ей нелепой, но она не зачеркнула её.

«Беру знание, что не всякую неисправность нужно исправлять собственными руками».

Лея отложила карандаш. Он снова поплыл, и она поймала его за нитку.

Строки не освобождали её. Они не делали решение правильным задним числом и не возвращали тех, кто остался на базе. Но благодаря им Луна переставала быть одной огромной точкой, которую нужно удерживать в поле зрения. В ней появлялись отдельные вещи: кружка, карта, запах пыли, ошибка, от которой она вовремя отступила.

— Ты пишешь завещание? — спросил Сев, не открывая глаз.

— Нет.

— Хорошо. Завещания обычно длиннее.

Он перевернулся в ремнях и устроился поудобнее. Старик у соседней стены закончил пересчёт таблеток и наконец закрыл сетчатый карман. Мальчик Ники расправил свою бумажную коробку и запустил её в воздух. Она проплыла полметра, задела перегородку и вернулась к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.